
Рождённый в годы нэпа. Первый пятилетний план: жизнь и судьба

Михаил Фельдман

Born during the NEP years. The first five-year plan: life and destiny

Mikhail Feldman

*(Ural Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia)*

DOI: 10.31857/S0869568722040197, EDN: JBFZJI

Переход к нэпу ознаменовал новый этап отношений власти и научной интеллигенции. Он позволил экономистам активно включиться в работу по восстановлению народного хозяйства страны. По мнению историка экономики Н.М. Ясного, в 1920-х гг., особенно в первой половине десятилетия, идеологический контроль над экономической наукой был относительно мягким¹. Прямые связи с Госпланом позволили учёным не только опираться на богатейшую статистику, но и использовать комментарии специалистов отделов ведомства. Решая проблемы, связанные с проектом индустриализации, они по ряду направлений далеко опередили западную экономическую мысль. Их вклад оказалось возможно оценить по достоинству только спустя три-четыре десятилетия, в период кризиса кейнсианской и институциональной экономической политики. Более того, среди тогдашних разработок есть и актуальные для современности: механизмы равновесия как предмет экономической науки и механизмы развития как предмет социально-экономической генетики; вопрос факторов и институциональных основ экономического развития; природа экономических институтов, причины их возникновения и распада, механизм отбора².

Утверждённый в мае 1929 г. V съездом Советов, первый пятилетний план представлял собой уникальное явление. Три его тома удачно сочетали отраслевую составляющую модернизации страны, проблемы социального характера, различные аспекты регионального развития. Они явились крупным шагом на пути усовершенствования и конкретизации методологии планирования. С точки зрения мировой экономической науки наиболее новаторским оказался региональный подход. В 1926–1929 гг. Госплан уделял большое внимание разработке районных и межрайонных проблем пятилетки в рамках экономического районирования. С этой целью проводились конференции по комплексному учёту ресурсов и определению конкретных задач в рамках отраслей и крупных экономических районов³. Наметилась специализация краёв и областей с учётом наилучшего использования их богатств и «подтягивания» отстающих регионов; были определены перспективы межрайонного сотрудничества; разработаны прогнозы развития таких крупных районов, как Урал (Уральская область) и Сибирь (Сибирский край).

© 2022 г. М.А. Фельдман

¹ Ясный Н.М. Советские экономисты 1920-х гг. Долг памяти. М., 2012. С. 717.

² Ольсевич Ю.Я. Введение // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. Т. 4. Век глобальных трансформаций. М., 2004. С. 13–15.

³ История социалистической экономики СССР. Т. 3. М., 1977. С. 18.

В период первой пятилетки страна вступала с «оптимальным вариантом» плана. Даже с учётом многократных поправок он представлял собой относительно реалистичный документ, обозначивший основные направления экономического развития страны и инструменты их реализации. Он предполагал «участие различных классов в решении задач индустриализации», равенство всех систем кооперации, понимание индивидуального крестьянского хозяйства как «сохраняющего для настоящего пятилетия своё значение главного производителя сельскохозяйственных продуктов». Таким образом, он включал всё то, что недвусмысленно говорило о стремлении, с одной стороны, сохранить многоукладную экономику, а с другой — совершить рывок в промышленности, особенно в металлургии и машиностроении, осуществить крупномасштабное строительство новых и реконструкцию старых предприятий.

Прямая вина И.В. Сталина и его окружения заключалась в бездумном разбазаривании многомиллиардных средств и гибели миллионов людей — столь высокой оказалась цена отказа от нэпа. Индустриальный проект из инструмента государственной политики превратился в самоцель. Задача «в кратчайший исторический срок догнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран» решалась во многом на основе количественных показателей. Напротив, социальная политика трансформировалась из основной составляющей «социалистического» курса во второстепенную, девальвируя само его значение.

В 1933 г. свет увидело официальное издание «Итоги выполнения Первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР». Оно должно было обосновать сталинский тезис о том, что высокий удельный вес государственного сектора в промышленности, а также колхозно-совхозного сектора в сельском хозяйстве следует рассматривать как показатель степени развития «социалистического уклада». Отмечалось значительное перевыполнение пятилетки по всем показателям в первые годы. Это означало, что относительно высокие темпы роста объяснялись размахом промышленного строительства, включая сооружение ряда промышленных гигантов, не предусмотренных планом. Куда более сложной оказалась задача освоения заводского и фабричного оборудования: даже по официальным данным план по валовой продукции промышленности оказался выполнен всего на 93,7%⁴.

На фоне мирового экономического кризиса оказалось легко на основе выборочных количественных показателей характеризовать сдвиги в народном хозяйстве как «триумфальные». Заявление о том, что СССР догнал развитые страны капитализма по удельному весу промышленности в национальном доходе, а также по удельному весу производства средств производства, призвано было доказать «превосходство социалистического строя над капиталистическим». В «Итогах» редко приводились сведения, опирающиеся на международную статистику. Так, например, сообщалось, что «при свёртывании внешней торговли капиталистических стран, удельный вес СССР в мировой торговле возрос, и СССР передвинулся с 17-го места в 1928 г. на 11-е в 1932 г.»⁵.

Следует отметить: в советский период истории характеристики итогов пятилетки на долгие десятилетия определялись сталинскими формулировками из

⁴ Итоги выполнения Первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1933. С. 14, 15, 22.

⁵ Там же. С. 11, 15.

доклада генсека на объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) (7–12 января 1933 г.). Так, в духе официальных пропагандистских установок оказалась выдержана статья, посвящённая созданию и эволюции первого пятилетнего плана. Упор в ней делался на съезды плановых работников СССР. «Отправной» и «оптимальный» варианты плана, подготовленные в августе 1928 г. работниками Госплана, клеймились как оппортунистические, поскольку «разрабатывались при участии буржуазных экономистов и техников, которые в своих проектировках и экспертизах пытались преуменьшить ресурсы и темпы индустриализации». В силу этого варианты, отталкивавшиеся от «технических возможностей», якобы «страдали органическим пороком — минимализмом». В вину Госплану вменялась непростительная ошибка: «Ни в одном варианте... не была поставлена задача сокращения доли частного капитала»⁶.

В похожем духе писал спустя десятилетия ведущий советский исследователь индустриализации В.С. Лельчук. При этом он, правда, отмечал, что создание «основ индустриализации» сочеталось с «сужением сферы действия экономических рычагов управления», «низкой культурой труда, слабой производственной дисциплиной»⁷, т.е. с теми масштабными явлениями, которые генсек оставил за рамками своего доклада в 1933 г. В целом же сокрытие достоверной информации в условиях жёсткого идеологического и полицейского контроля становилось питательной средой для возникновения и упрочения сталинской мифологии.

Переосмысление догм началось лишь в конце 1980-х гг., однако на подлинно научный уровень вышло уже в постсоветскую эпоху. Так, Н. Верт обратил внимание на методику манипулирования количественными показателями. Подводя итоги первой пятилетки, Сталин оперировал цифрами первоначального варианта плана, принятого V съездом Советов в апреле–мае 1929 г. и вскоре отвергнутого за «сознательно заниженные показатели», а не принятого под его давлением варианта 1930 г.⁸ Следует заметить, что «вождь» только повторил уловку В.М. Молотова. Годом ранее, на XVII Всесоюзной партийной конференции (февраль 1932 г.) глава правительства рапортовал о выполнении плана, отталкиваясь от его «оптимального варианта», умалчивая о процессе безудержного увеличения капиталовложений в промышленность, составившего в 1930 г. сверхплановые 57, а в 1931 г. — 80%⁹.

Следует отдать должное британскому историку Р.У. Дэвису, сумевшему на основе широкого круга источников обратиться к непредвзятому изучению не только итогов социально-экономического развития СССР, но и осмысления результатов пятилетки советским руководством. Он не без иронии писал о январском Пленуме ЦК ВКП(б), что «первый пункт повестки дня пленума... был смело озаглавлен “итоги Первой Пятилетки и народно-хозяйственный план на 1933 год — первый год второй пятилетки”». «Смелость» заключалась в том, что итоги 1932 г., а с ним и всей пятилетки, подводились уже через неделю после окончания календарного года, тогда как технические возможности тщательного подсчёта требовали иных, существенно больших сроков. В пользу этого утверждения говорит и то, что все три доклада об итогах пятилетки (Сталина,

⁶ *Гладков И.А.* К истории первого пятилетнего народнохозяйственного плана // *Плановое хозяйство.* 1935. № 4. С. 112, 115, 122.

⁷ *Лельчук В.С.* Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М., 1984. С. 171, 173.

⁸ *Верт Н.* История Советского государства, 1900–1991. М., 1992. С. 200.

⁹ XVII конференция ВКП(б). Стенографический отчёт. М., 1932. С. 127.

Молотова и В.В. Куйбышева, а также речь Г.К. Орджоникидзе) появились в печати лишь с незначительными изменениями по сравнению с машинописными стенограммами, сохранившимися в архивах¹⁰. Всё это позволяет утверждать, что подготовленные заранее доклады были связаны с анализом статистических показателей лишь формально.

Дэвис очертил хронологию событий: 3 декабря 1932 г. Политбюро, подведя итоги года (!), определило размеры будущих капиталовложений. На основе этого решения 5 января 1933 г. Совнарком принял секретный декрет «О государственном бюджете и экономическом плане на 1933 год». Секретность распределения капиталовложений прочно вошла в практику управления, определяя, например, не только соотношение объявленных (1450 млн руб.) и реальных (4178 млн руб.) расходов на оборону в 1933 г.¹¹, но и общую закрытость данных о подлинной финансовой политике государства.

Сталинский лозунг об «успешном и досрочном завершении пятилетки за четыре года и три месяца» определил направленность и тональность выступлений на пленуме. Даже члены Политбюро, отвечавшие за реальные сектора экономики и в силу этого глубже осознававшие положение дел, оказались «скованными одной цепью» идеологизированных выводов и суждений. Не обсуждались весьма спорные утверждения генсека о «рождении за период 1928–1932 гг. всех новейших отраслей промышленности», о «решении зерновой проблемы» и т.д. Вообще дискуссии по социально-экономическим проблемам на пленумах 1928–1929 гг. казались далёким прошлым.

Повышенная эмоциональность сталинского выступления затрудняла объективный разбор реализации плана. Как следствие, «восторженная резолюция Пленума ЦК одобрила доклад о первом пятилетнем плане и директивы по плану 1933 г.»¹². Однако, по обоснованному утверждению О.В. Хлевнюка, «первая пятилетка по всем ключевым параметрам не была выполнена вообще. Провозглашённые цифры – стопроцентный рост индустриальной продукции между 1928 и 1932 гг. – были ложью. Реальные показатели были примерно вдвое меньше... Производительность труда в крупной промышленности в 1932 г. даже снизилась по сравнению с 1928 г.»¹³. Массовая пропаганда, воспроизводившая сталинские тезисы о «заводах-гигантах, не имеющих равных в мире», «правах и свободах советских людей» и т.п., в условиях голода и тотального дефицита имела только частичный успех. Итоги пятилетки оказались столь далеки от запланированных по инициативе главы партии, что Сталин имел все основания беспокоиться за свою судьбу. Фактически промолчавший все одиннадцать заседаний XVII партконференции, не желая вступать в дискуссию о причинах очевидного кризиса в экономике¹⁴, генсек стремился не допустить сопоставления плановых и достигнутых показателей и в январе 1933 г.

Однако завеса мифологии постоянно «разрывалась» выступлениями о качестве продукции и состоянии хозрасчётных отношений. Речь не только о позиции директорского корпуса, продемонстрированной ещё в 1931 г. на

¹⁰ *Davies R. W.* Crisis and progress in the Soviet economy, 1931–1933. Basingstoke; L., 1996. P. 317.

¹¹ *Ibid.* P. 319

¹² *Ibid.* P. 326.

¹³ *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 178, 179, 206.

¹⁴ *Фельдман М.А.* Трудная попытка осмысления (новый взгляд на события XVII конференции Всесоюзной Коммунистической партии (б)) // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 27. 2020. № 1. С. 83.

I Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности¹⁵. Выступление 31 января 1932 г. на XVII конференции члена Политбюро ЦК Я.Э. Рудзутака содержало в себе «информационную бомбу». Низкое качество значительной части продукции заводов не являлось для делегатов тайной. Но указать конкретную цифру — до четверти произведённого — стало большой смелостью¹⁶. Стоимость выпущенной в 1931 г. промышленной продукции Орджоникидзе оценил в 11,8 млрд руб. Получалось, что «на ветер» выбрасывалось до 3 млрд. Фактически Рудзук дал политике радикального форсирования темпов экономического роста жёстко негативную оценку. О степени сталинского недовольства говорит и то, что через четыре дня после этого выступления Рудзук перевели из членов в кандидаты в члены Политбюро.

Тем не менее катастрофическое положение в экономике к августу 1932 г. признали все члены Политбюро¹⁷. Однако антикризисные меры, предлагавшиеся Сталиным и руководителями наркоматов, серьёзно разнились. Например, нарком финансов Г.Ф. Гринько призывал дать приоритет качественным показателям. Это вызвало негативную реакцию Сталина, заявившего, что «пятилетняя программа считается у нас минимальной. У нас будут ещё ежегодные контрольные цифры, которые будут расширять пятилетний план из года в год»¹⁸.

Оказавшись если не у «последней черты», то в ожидании критических выступлений, Сталин готовился к корректировке курса. Но для этого требовался ряд условий: сохранение и усиление негативных оценок недавних соратников — «правых» (признание правоты бывшего главы СНК СССР А.И. Рыкова и его сторонников означало бы для генсека политическое самоубийство); отсутствие даже незначительной критики проводимой политики; запрет на оглашение информации о реальных переменах в экономике; продолжение восхваления генсека как «мудрого вождя и продолжателя дела Ленина».

Доклад Сталина, прозвучавший на пленуме 7 января 1933 г., газета «Правда» опубликовала только спустя три дня. В его тексте можно выделить, по крайней мере, четыре группы утверждений. Первая касалась подведения итогов пятилетки в промышленности. Чеканный рефрен «у нас не было — теперь есть»¹⁹ оказал завораживающее воздействие на участников пленума, неоднократно цитировался членами ЦК, стал основой пропагандистских мероприятий. Реальность же оказалась совсем иной. Например, авиационная промышленность России в 1916 г. выпустила 1287 самолетов и 639 моторов²⁰. По производству чёрных металлов и угля Россия немногим уступала Франции. Утверждение Сталина, что «Россия до 1917 г. по производству нефтяных продуктов и угля стояла на последнем месте», не выдерживало никакой критики с учётом того, что на рубеже XIX–XX вв. страна добывала нефти больше всех в мире, уступая только США по производству керосина²¹.

¹⁵ Первая Всесоюзная конференция работников социалистической промышленности: 30 января — 5 февраля 1931 г. Стенографический отчёт. М., 1931. С. 23–24, 31–34.

¹⁶ XVII конференция ВКП(б)... С. 73.

¹⁷ Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 206, 217–218.

¹⁸ XVII конференция ВКП(б)... С. 223.

¹⁹ Сталин И.В. Итоги первой пятилетки: доклад 7 января 1933 г. на Объединённом Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7–12 января 1933 г. // Сталин И.В. Полн. собр. соч. Т. 13. М., 1951. С. 64.

²⁰ Мухин М.Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 гг. М., 2006. С. 99.

²¹ Дьяконова И.А. Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М., 1999. С. 130.

Уже на XVI съезде Сталин ввёл штамп «капитализм нам оставил почти полное отсутствие собственного машиностроения». «Конкретизируя» эту мысль, его подчинённым приходилось прибегать к подтасовкам. Так, председатель ВСНХ Куйбышев заявил: «До войны машиностроительная промышленность по сравнимым ценам (приведённым к ценам 1926/27 г.) дала приблизительно на 307 млн руб. продукции»²². На деле же в 1913 г. в машиностроении и металлообработке России стоимость произведённой продукции равнялась 820 млн руб. (в 1928/29 г. — 703 млн)²³. Спустя год, в отчётном докладе на XVII съезде партии Сталин отметил: в 1913 г. на долю машиностроения приходилось 11% валовой продукции промышленности России²⁴. Общий вывод этой части доклада заключался в глобальном утверждении: за годы пятилетки удалось «перевести нашу страну с её отсталой, подчас средневековой техникой — на рельсы новой, современной техники»²⁵. Но, помимо вышеприведённых тезисов, генсек не привёл каких-либо доказательств.

Вторая группа затрагивала итоги пятилетки в сфере сельского хозяйства. Главный довод в защиту обоснованности коллективизации заключался в увеличении объёмов заготовок товарного зерна с «500–600 миллионов пудов товарного хлеба, заготовлявшегося в период преобладания индивидуального крестьянского хозяйства, до 1 200–1 400 миллионов пудов ежегодно» после коллективизации²⁶. Практически весь состав участников пленума оказался «повязан» участием в насильственной коллективизации. Но известна была и цифра потерь животноводства за первые месяцы коллективизации, озвученная в 1930 г. тогдашним председателем СНК РСФСР С.И. Сырцовым: «Перегибы и ошибки в ходе коллективизации обернулись только в животноводстве потерями на сумму в 3 млрд руб.»²⁷. Для понимания масштаба экономического и социального бедствия следует вспомнить, что по решению ноябрьского (1929) пленума капитальные вложения в промышленность и электрификацию на 1929/30 г. увеличивались на 43%: с 2,8 млрд руб. по «оптимальному» варианту плана до 4 млрд²⁸. Забой крестьянами значительной части лошадей привёл к тому, что создание колхозов проходило без соответствующей материальной базы. В 1928–1932 гг. совокупная мощность тракторов выросла с 0,27 млн лошадиных сил до 2,1 млн. Но даже с учётом этого совокупная тяговая сила в 1932 г. составила 21–22 млн сил против 28 млн в 1928 г.²⁹

Сталинский вариант модернизации деревни проходил по лекалам Гражданской войны: фактически это была продразвёрстка. В условиях самого благоприятного в климатическом отношении 1930 г. в деревнях зачастую выгре-

²² XVI съезд ВКП(б). 26 июня — 13 июля 1930 г. Стенографический отчёт. Т. 2. М., 1935. С. 859.

²³ Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887–1926 гг.). Т. 1. Свод статистических данных по фабрично-заводской промышленности с 1887 по 1926 год. Ч. 3. Промышленность 1912, 1913, 1915, 1920 и 1925/26 гг. М.; Л., 1930. С. 10.

²⁴ XVII съезд ВКП(б). 26 января — 10 февраля 1934 г. М., 1934. С. 17.

²⁵ Сталин И.В. Указ. соч. С. 62.

²⁶ Там же. С. 69.

²⁷ XVI съезд ВКП(б)... Т. 1. М., 1935. С. 400–403.

²⁸ Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК и ЦКК ВКП(б). 1928–1929 гг. / Отв. ред. В.П. Данилов. Т. 5. Пленум ЦК ВКП(б) 10–17 ноября 1929. М., 2000. С. 547.

²⁹ Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и её результаты (1929–1933 гг.). М., 2014. С. 84.

бались и продовольственные, и семенные фонды. При этом потери зерна при уборке урожая в колхозах составляли примерно 22% от валового сбора. В итоге в условиях масштабного голода из государственных фондов пришлось выделить ссуды в размере 75,4 млн пудов³⁰. Самым тяжёлым проявлением коллективизации стал голод, от последствий которого погибли 5,6 млн человек, в том числе 2,5 млн — на Украине³¹.

Сталин хорошо знал, что объём валовой продукции сельского хозяйства за пятилетку не вырос, а сократился на 6–7%. Между тем предусматривался значительный рост: с 2990 млн до 5300 млн руб. по отправному варианту и до 6400 млн руб. — по оптимальному³². При сохранении нэповской модели крестьянство могло за счёт развития кооперации, сельскохозяйственного машиностроения и т.п. нарастить товарную продукцию на 2,4–3,5 млрд руб.

Нигде, как в этом сегменте доклада, мифологическая завеса не выставлялась так масштабно! Не случайно, понимая всю натянутость своих выводов, 11 января Сталин выступил с ещё одним (незапланированным и не указанным в повестке) докладом — «О работе в деревне»³³ (опубликован в «Правде» 17 января). Признав, что в 1932 г. «хлебозаготовки прошли у нас с большими трудностями, чем в предыдущем году», он дал развёрнутое объяснение произошедшему. Виноватыми оказались работники колхозов и совхозов, не увидевшие «отрицательных сторон» разрешения колхозной торговли. Легализация таковой означала и легализацию рыночной цены на зерно, а значит, появление у крестьян выбора. Задача сельских коммунистов, по мнению Сталина, заключалась в том, что «с первых же дней уборки, ещё в июле месяце 1932 года, они должны были всемерно усилить и подгонять хлебозаготовки». Как видно, насилие как основной метод коллективизации в прошлое вовсе не уходило. Больше того, его подкрепляли административные меры: в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 мая 1932 г. «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развёртывании колхозной торговли хлебом» прямо говорилось, что «колхозную торговлю хлебом можно открыть лишь после того, как будет выполнен целиком и полностью план хлебозаготовок и будут собраны семена».

Сталин указал на «засорённость» колхозов «бывшими» из числа «кулаков», «белых» солдат и офицеров, чиновников, служащих и т.д. Более того, даже само объединение крестьян в колхозы пугало его потенциальной возможностью воздействия на жителей деревни нежелательной информации и агитации. Тем самым робкий шаг назад от потрясений коллективизации оказывался лишь краткой передышкой перед новыми шагами вперёд по дороге насилия. Участникам же пленума предложили явно мифологический тезис о «превращении СССР в страну самого крупного сельского хозяйства в мире»³⁴.

Третья группа утверждений должна была объяснить практику «бешеных темпов», всех трудностей и тягот, выпавших на долю населения в годы пятилетки, а также причины невыполнения плановых заданий. Основные причины Сталин связал с внешним фактором — «отказом соседних стран подписать с нами пакты о ненападении и осложнениями на Дальнем Востоке». Следствием этого стало

³⁰ Там же. С. 48–49, 81.

³¹ Есиков С.А. Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативности сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010. С. 294–295.

³² Как ломали нэп... Т. 5. С. 273.

³³ Сталин И.В. Указ. соч. С. 78–84.

³⁴ Там же. С. 69.

«переключение ряда заводов в целях усиления обороны на производство современных орудий обороны»³⁵. Сталинский почерк — снятие с себя ответственности за чудовищные ошибки и преступления, возложение её на местные кадры и капиталистическое окружение — не менялся с весны 1930 г., времени балансирования на грани новой Гражданской войны в деревне. Но нашёлся и принципиально новый момент — неоднократное подчёркивание безальтернативности курса начала 1930-х гг.³⁶ Никакого аналитического сравнения вариантов пятилетнего плана генсек не делал. Его усилия сосредоточились на написании картины ужасов, ожидавшей СССР в случае отказа от «бешеных темпов».

Четвёртая группа затрагивала изменение направленности экономической политики. Комплекс внутренних и внешнеполитических причин (хаос хозяйственных связей, финансовый кризис, рост внешней задолженности и др.) не позволял далее «подхлестывать и подгонять страну». По существу, перед нами отказ от курса пятилетки, его тихое отрицание (в ряде пунктов — даже осуждение)³⁷. В годы второй пятилетки на первый план выходило освоение техники старых или обновлённых заводов и фабрик, требовавшее повышения квалификации рабочих и инженерно-технического персонала³⁸. Но примечательна оговорка генсека: «Особенно в первые два-три года второй пятилетки». Это означало, что на стабилизацию положения (в том числе за счёт отступления от приоритета насильственных мер) отводились 1933–1935 гг.

Специалисты (работники экономических наркоматов, представители директорского корпуса) не услышали от руководителя партии ни слова о хозрасчёте — стержне курса «мини-реформ». Пропагандистские клише постоянно напоминали: в специальном разделе речи Сталина на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. говорилось, что «благодаря бесхозяйственному ведению дела, принципы хозрасчёта оказались совершенно подорванными в целом ряде наших предприятий и хозяйственных организаций. Это факт, что... давно уже перестали считать, калькулировать, составлять обоснованные балансы доходов и расходов»³⁹. Однако подлинное отношение Сталин выразил в письме Л.М. Кагановичу от 6 августа 1931 г.: «Буржуазный подход к вопросу о рентабельности — расклевать»⁴⁰. В системе координат «социалистической экономики» хозрасчёт имел право на существование в сфере права, но его подлинная жизнь начиналась за пределами легальной экономики. Не случайно началом 1930-х г. датируется начало слияния командной экономики с тенью⁴¹.

Не прозвучало и оценки внешних хозяйственных связей, даже с учётом «практически полной зависимости советской индустриализации от зарубежных технологий»⁴². Это, впрочем, неудивительно: мифологические конструкции складываются не только из слов, но и из фигур умолчания. Таким образом, анализ доклада 7 января 1933 г. показывает, что готовность Сталина к переменам

³⁵ Там же. С. 65.

³⁶ Там же. С. 66.

³⁷ Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 177.

³⁸ Сталин И.В. Указ. соч. С. 67.

³⁹ Там же. С. 28–29.

⁴⁰ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 37.

⁴¹ Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история. Ежегодник. М., 2017. С. 314.

⁴² Штопов Б.М. Американский бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е годы. Лабиринты экономического сотрудничества. М., 2012. С. 15.

носила условный и временный характер. Прагматизм в кризисных ситуациях постоянно натывался на идеологические догмы. Несовпадение двух противоположных по смыслу курсов (рационально-технократического и волюнтаристского) должно было решаться за счёт подавления реальных или потенциальных недовольных.

Важная черта реальности тех лет – автоматическое превращение сталинских формулировок в положения партийных доктрин. Показательно, что выступавший на следующий день (8 января) Молотов начал с сакраментальной фразы: «Докладом товарища Сталина исчерпывается вопрос об итогах Первой пятилетки»⁴³. Будто в подтверждение номер «Правды» за 12 января, в котором опубликована речь главы правительства, сопровождался страницей тщательно подобранных выступлений трудящихся под общим заголовком: «Новой волной энтузиазма, инициативы и трудового подъёма встретили массы доклад вожда партии тов. Сталина!».

Сам же доклад Молотова «О задачах первого года второй пятилетки» фактически только уточнял отдельные положения сталинского выступления, воспроизводя даже структуру речи генсека. Относительным отличием можно считать неконкретные фразы о масштабе брака, низкой степени загрузки станков, значительном количестве установленного, но не работающего оборудования. Общий вывод доклада оказался выдержан в русле поворота экономического курса, согласованного руководством ВКП(б) ещё в конце 1932 г.⁴⁴ Главной задачей промышленности объявлялось повышение производительности труда; упор должен был делаться не на количественные показатели, а на качество продукции. Однако указание на пути достижения поставленных целей копировало язык постановлений ЦК и СНК времён «бешеных темпов»: «Надо только развернуть большевистскую борьбу за улучшение организации труда и укрепление дисциплины!» Фактически без внимания остались проблемы материально-бытового положения трудящихся. Между тем реальная заработная плата занятых в промышленности за годы пятилетки снизилась с 50 до 30%, провалились все социальные программы⁴⁵.

Об итогах пятилетки читатель газет «Правда» и «Известия» мог узнать немного. Пленум в публикациях за 8–12 января представлен только докладом Сталина и Молотова! Недосказанность превратилась в важную составляющую информационной среды советской жизни. Так, не нашлось места для изложения короткого выступления 8 января заместителя председателя Госплана Г.И. Ломова, которое содержало единственный критический фрагмент: «Ряд шахт, которые мы считаем пущенными, на самом деле дают всего процентов 20–60 их проектной мощности, и почти ни одна из крупных пущенных шахт в Донбассе и Кузбассе не даёт добычи, близкой к проектной мощности»⁴⁶. 21 января газета опубликовала статью Ломова, представлявшую собой панегирик развитию топливной промышленности с небольшим вкраплением абстрактных замечаний⁴⁷. Однако даже это не избавило автора от сталинского

⁴³ Молотов В.М. О задачах первого года Второй пятилетки // Правда. 1933. 12 января.

⁴⁴ Хлевнюк О.В. Хозяин... С. 217–218.

⁴⁵ Davies R.W. Op. cit. P. 479.

⁴⁶ Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы / Сост. С.С. Хромов. Ч. 2. М., 1999. С. 119.

⁴⁷ Ломов Г.И. Итоги выполнения топливной пятилетки // Правда. 1933. 21 января.

гнева: вскоре его освободили от работы в Госплане, а в феврале 1934 г. вывели из состава ЦК.

Выступление наркома лёгкой промышленности И. Е. Любимова (10 января) тоже оказалось вне печати за фразу: «В Америке, например, при производстве обуви в 4,5 раза больше, чем у нас, натурального кожевенного подошвенного сырья употребляется всего лишь в полтора раза больше, чем у нас»⁴⁸. Впрочем, оратор сохранил пост до 1937 г.

Уже после закрытия пленума, 13 января, в «Правде» появился доклад Куйбышева «Итоги борьбы за техническую реконструкцию народного хозяйства». Выдержанный в оптимистическом духе, он содержал заявления о создании современного машиностроения, первом месте в мире по соотношению электростали и стали, завершении технической реконструкции в нефтяной промышленности. Однако внимательный читатель обратил бы внимание, что лишь в одной отрасли (нефтяная) завершилась техническая реконструкция. Сооружение заводов-гигантов либо не закончилось, либо на них только начиналось освоение производственных мощностей. Производство электростали в разы отставало от показателей США и Германии⁴⁹. Ответ на вопрос, в какой же степени выполнены задания пятилетнего плана по технической реконструкции в народном хозяйстве?, руководитель ВСНХ не озвучил. Но в принципе в этом уже не было необходимости: 13 января «Правда» опубликовала резолюцию пленума по докладам Сталина, Молотова и Куйбышева, принятую 10 января. В жизнь прочно входила традиция партийных форумов без публичного обсуждения, с единогласным одобрением заранее подготовленных резолюций.

Несколько иная тональность выступления Орджоникидзе привела к тому, что его речь напечатали только 22 января. Фразу «мы немного разучились считать деньги» можно было бы рассматривать как пример лёгкой критики экономического курса. Однако она прозвучала как продолжение весьма жёстких замечаний оратора о забвении хозрасчёта на XVII конференции 30 января 1932 г. Утверждение, что «на протяжении последних лет хозрасчёт у нас почти полностью пропал»⁵⁰, означало, что представитель высшего руководства, более других внёсший в реализацию плана, признал: многочисленные решения и постановления о внедрении хозрасчёта не дали результатов. Даже довольно ограниченная самостоятельность производителей не вписывалась в командно-административную систему. Спустя ровно год после этого выступления, как отмечает Дэвис, получивший доступ к тексту до сих пор не рассекреченной (не опубликованной целиком) стенограммы пленума, Орджоникидзе говорил о пренебрежении хозяйственников к вопросам стоимости продукции как характерной черте индустриализации⁵¹.

Написанные словно под копирку речи Н. И. Бухарина, Рыкова и М. П. Томского, опубликованные 14–16 января, говорили только об одном: «Альтернативного курса не существует». Три недавних члена Политбюро дружно критиковали уже безымянных «правых» и превозносили Сталина. Попытки Бухарина выделить отличия «социалистической» и капиталистической индустриализации вызывали лишь улыбку абстрактностью рассуждений о «принципиально иных

⁴⁸ Индустриализация Советского Союза... Ч. 2. С. 126.

⁴⁹ Куйбышев В. В. Итоги борьбы за техническую реконструкцию народного хозяйства // Правда. 1933. 13 января.

⁵⁰ XVII конференция ВКП(б)... С. 19.

⁵¹ Davies R. W. Op. cit. P. 326.

технологиях», «принципиально иных мощностях» и т.д. Пожалуй, главным в речи оказалось другое — допустимость применения «суровой расправы» на оппозицией (группа И.Н. Смирнова)⁵². Демонстрация максимальной преданности «генеральной линии» доказывала: путь отступления от принципов не имеет преград и ведёт к превращению политика в марионетку.

Завершило работу пленума выступление Рудзутака. Представитель старой большевистской гвардии провозгласил начало «общепартийной чистки». Её предназначение очевидно: пленум на основе сталинского доклада констатировал триумфальное завершение пятилетки. Чистка предназначалась для усомнившихся в верности выводов и оценок.

Рассматриваемый пленум занимает особое место в ряду партийных форумов. По важности выводов, вошедших на десятилетия в учебники (например, тезиса о «построении экономического фундамента социализма»). По масштабу обмана общества: гибель миллионов от голода, ссылка и разорение наиболее умелых крестьян, обнищание населения страны, катастрофа в животноводстве, экономический хаос в строительстве и промышленности подавались как революционная победа «социалистических отношений». По степени скрытности: выступления на пленуме либо не были опубликованы, либо подверглись сознательному искажению.

Существует и иная сторона событий января 1933 г. К этому времени Сталину пришлось признать ошибочность экономического курса 1929–1931 гг., переложив вину за его трагическое осуществление на местных работников, сопротивление и саботаж «классовых врагов», внешнеполитический фактор. Но это запоздавшее, оплаченное огромными материальными потерями и человеческими жертвами признание носило временный характер. Курс «мини-реформ» (товарно-денежные отношения, система стимулирования заработной платы, «квазирынок» для труда, легализация рыночной торговли)⁵³ грозил Сталину и его группировке потерей господства в партии, обществе и государстве. Даже при сохранении командно-административной системы нарушалось мифологическое пространство «чистого» социализма: рушилась вся система догматических аргументов о вреде рынка, товарно-денежных отношений, экономической самостоятельности производителей. Тем не менее по выступлениям Ломова, Любимова и Орджоникидзе видно, что ответственные за отрасли экономики не желали принимать пропагандистские тезисы за реальность. Никакая массивная пропаганда «триумфа» не могла вытравить в сознании хозяйственников и региональных руководителей ощущения её несоответствия реальности, наоборот, порождала определённую внутреннюю невосприимчивость к мифологемам⁵⁴. Участники пленума, отвечавшие за конкретные проекты, понимали, что переход к умеренному курсу является косвенным признанием провала политики «большого скачка». Но большинство рассматривало это только как тактическую неудачу.

В то же время появление оппозиционных групп среди партийных работников свидетельствовало о растущем недовольстве Сталиным⁵⁵. Его политика нача-

⁵² Выступление Н.И. Бухарина по докладу И.В. Сталина «Итоги первой пятилетки и народнохозяйственный план 1933 г.» // Правда. 1933. 14 января.

⁵³ *Davies R.W.* Op. cit. P. XV.

⁵⁴ *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 2008. С. 403.

⁵⁵ *Taker P.* Сталин — диктатор. У власти. 1928–1941. М., 2013. С. 257–261.

ла вызывать непонимание прежде всего директорского корпуса, зажатого в тиски невыполнимых требований с одной стороны и пассивного сопротивления подчинённых — с другой⁵⁶. Это проявилось уже на I Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности (1931), а XVII партконференция (1932) показала, что подобные настроения проникли и в ряды партактива. Январский (1933) пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) лишь подтвердил тенденцию.

Генсек ответил политическим манёвром — очередной общепартийной «чисткой»⁵⁷. Начавшись как кампания летом 1929 г., она приобрела, используя терминологию эпохи, «перманентный» характер и контролировалась отделами ЦК и подчинёнными ему структурами. «Чистка» форматировала государственные структуры и трудовые коллективы под экстремальные, мобилизационные и внеэкономические цели сталинского руководства⁵⁸, превратившись в средство изгнания из партии инакомыслящих. Она внесла немалый вклад в становление мифологического пространства тоталитарного государства, способного действовать только насильственными административными мерами. Однако широкомасштабное использование «чисток», понижение в должности за малейшую критику и заполнение информационного пространства мифологемами не остановили роста недовольства. Ответом управленческого корпуса стало голосование 9 февраля 1934 г. на XVII съезде партии при выборе кандидатов в состав ЦК. Число делегатов, выступивших против Сталина, составило от 123 до 300 (достоверный факт — уничтожение 166 бюллетеней⁵⁹). Определённая часть сторонников индустриального проекта не желала мириться с происходящим.

Итоги пятилетки освещались в экономических изданиях СССР своеобразно. Почти все статьи в номерах журнала «Проблемы экономики» за первое полугодие 1933 г. посвящены 50-летию смерти Маркса. Лишь передовая статья в № 2 — «Ленинский кооперативный план в действии» — провозглашала торжество марксистско-ленинских идей в деревне⁶⁰. В то же время журнал опубликовал обширную статью о закономерном «загнивании техники» при капитализме и неизбежном «вытеснении квалифицированного труда неквалифицированным»⁶¹. Относительно близкими к действительности оказались публикации в журнале «Плановое хозяйство». Так, начало статьи Г. Князькова «Капитальное строительство в тяжёлой промышленности в Первой пятилетке» выдержано в духе официальной пропаганды: «Итоги Первой пятилетки целиком оправдывают и окупают затраченные страной усилия. Задания... в тяжёлой промышленности резко перевыполнены в 4 года и три месяца». Однако приведённые статистические сведения говорили совсем об ином. План по вводу мощностей выполнен на 58,5% (мой пересчёт этих цифр: план — 21,3 млрд руб., факт — 11,2 млрд — даёт иной результат: 52,6%). Это обернулось тем, что объём незавершённого строительства на 1 января 1933 г. составил 8 млрд руб.⁶²

⁵⁶ Верт Н. История Советского государства... С. 204.

⁵⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 6. 1933–1937. М., 1985. С. 32, 42–45.

⁵⁸ Красильников С.А. «Генеральная чистка» госаппарата 1929–1932 годов как проявление кризиса легитимности партийного государства // ЭКО. 2020. № 8. С. 171, 188.

⁵⁹ Такер Р. Сталин — диктатор... С. 320.

⁶⁰ Ленинский кооперативный план в действии // Проблемы экономики. 1933. № 2. С. 3–20.

⁶¹ Грановский Е. О противоречиях развития техники при капитализме // Проблемы экономики. 1933. № 1. С. 98–141.

⁶² Князьков Г. Капитальное строительство в тяжёлой промышленности в Первой пятилетке // Плановое хозяйство. 1933. № 1. С. 50–61.

Данные косвенно ставили под сомнение утверждение о «резком перевыполнении» плана. Сталинские мифологические конструкции явно не совпадали с реальностью, и статистика нередко «подводила» пропаганду.

Казалось бы, не принёс изменений и 1934 г. В экономических журналах из номера в номер комментировались высказывания Сталина и его сподвижников по Политбюро, дополненные парадными отчётами о достижениях промышленности. В «научный» оборот вводились необоснованные утверждения о «превосходстве советского машиностроения над американским» по ряду технических показателей; о достижении «огромных успехов в механизации производственных процессов» (правда, сопровождаемые время от времени сообщениями о высоком уровне ручного труда в «отдельно взятых» отраслях машиностроения⁶³). В статье «К анализу качественных показателей народного хозяйства СССР» звучали лозунги о «росте производительности труда в промышленности за годы первой пятилетки на 41%, о снижении себестоимости в машиностроении за первую пятилетку на 30% при росте производительности труда на 64%, а заработной платы рабочих — на 53,8%»⁶⁴. Трудно было найти утверждения, более несовпадающие с реальностью, но идеологический диктат уже набрал обороты.

Тем не менее процесс «мини-реформ» требовал хотя бы некоторого научного осмысления. Статья В. Грановского и Г. Невольского «Организация труда в тяжёлой промышленности» стала прорывом из теоретического болота начала 1930-х гг. Авторы отметили, что «охват технически обоснованными нормами составляет по машиностроению не более 30–35%; по каменноугольной промышленности — 25–30%; по металлургии и химической промышленности — только 15–20%». Заявления о «значительном росте производительности труда» дезавуировались чётким выводом: «Нынешний уровень планирования показателей по производительности труда совершенно не соответствует их значению». Углубляя свою мысль, авторы подчеркнули: «До сих пор мы, по существу, не имеем на предприятиях единой системы технико-экономических обоснований плановых расчётов по труду, несмотря на указания XVII партийной конференции и директивы НКТП и ВЦСПС о том, что в основу всех пересчётов по производительности труда и рабочей силе были положены нормы времён на единицу продукции»⁶⁵.

В статье В.И. Межлаука, ставшего после XVII съезда заместителем председателя СНК и главой Госплана, звучали критические оценки состояния «социалистического планирования», завалуированные указанием на «события прошлого» — период первой пятилетки. «Мы не имеем разработанного баланса развития народного хозяйства», — отмечал автор. Кроме того, «недостаточное внимание уделялось планированию технического прогресса, проблемам освоения техники, ускорению перехода от планирования отдельных технических показателей к составлению единого технического плана развития народного хозяйства». Указывалось и на слабое использование «таких важнейших рычагов нашей экономики, как деньги, кредит и хозрасчёт»⁶⁶.

⁶³ Сухаревский Б. Завершение технической реконструкции и вопросы механизации промышленности // Плановое хозяйство. 1934. № 1. С. 70–72.

⁶⁴ Турецкий Ш. К анализу качественных показателей народного хозяйства СССР // Плановое хозяйство. 1934. № 7. С. 101–102.

⁶⁵ Грановский В., Невольский Г. Организация труда в тяжёлой промышленности // Плановое хозяйство. 1934. № 10. С. 116–117.

⁶⁶ Межлаук В.И. К реорганизации Госплана // Плановое хозяйство. 1935. № 4. С. 3–6.

Репрессии начали сказываться на качестве статей в экономических журналах уже с весны 1929 г. — времени поражения рационально мыслящей части руководства партии. Более того, ускорилось отставание советской экономической науки, поскольку в конце 1920-х гг. перестали выходить многие журналы, в том числе близкие к «Плановому хозяйству» по содержанию и коллективу авторов, — «Экономическое обозрение» и «Экономический бюллетень» Конъюнктурного института⁶⁷. Однако наука, загнанная в тиски марксистских догм, при малейшем послаблении вырывалась наружу, опрокидывая лживые пропагандистские конструкции.

Материалы январского (1933) пленума, анализ публикаций в прессе и экономических журналах показывают: руководству СССР пришлось признать пагубность курса «бешеных темпов». Осмысление затруднялось мифологическим пространством с его лозунгами «создания фундамента социалистической экономики» и «выполнения заданий Первой пятилетки за четыре года и три месяца», а также жестокими наказаниями за малейшие критические замечания. Однако жизнь доказала правоту авторов госплановского варианта пятилетнего плана. Фактическое признание этого позвучало из уст его главных критиков. В феврале 1932 г. Молотов связал выполнение первого пятилетнего плана с его «оптимальным вариантом», Сталин оперировал его цифрами в январе 1933 г. «Вариант Рыкова» всплывал вновь и вновь, доказывая свою реалистичность и жизнеспособность.

Принципы первого пятилетнего плана, его инструментарий получили продолжение в плане второй пятилетки, за исключением... права многоукладной экономики на существование. Однако нормативный запрет рыночных отношений привёл лишь к тому, что между предприятиями начали складываться неформальные отношения. Они воплощались в неплановых и даже нелегальных обменах и соглашениях, снимая остроту государственного контроля и жёсткость централизованного планирования. Одним из таких постоянно действовавших механизмов коррекции неэффективного бюрократического распределения ресурсов выступали «товарообменные операции» — внеплановые продажи, а чаще всего обмены продукцией между предприятиями. Данные проверки, проведённой Наркоматом рабоче-крестьянской инспекции в начале 1932 г., показали и то, что «огромное количество готовой продукции утекает по непредусмотренным планами и договорами каналам, питая частный рынок»⁶⁸. При этом работники наркоматов защищали тех хозяйственных руководителей, которые могли любыми путями выполнять постоянно меняющиеся планы. Годы первой пятилетки стали временем слияния командной экономики с теневой, и задача сохранения видимости централизованного управления системой допускала поведение, в сущности, противоречившее ей⁶⁹. Выяснилось, что командная экономика не может существовать без рынка, даже крайне искажённого. Он помогал ей выжить, компенсируя дефицит товаров и перераспределяя товарные ресурсы⁷⁰. Вынужденное осмысление реальности заставило советское руководство, наряду с репрессивными мерами, сделать ставку на более рациональные методы управления.

⁶⁷ *Белых А.А.* История российских экономико-математических исследований: первые сто лет. М., 2011. С. 115.

⁶⁸ *Davies R.W.* Op. cit. P. 147–148.

⁶⁹ *Мерль Ш.* Советская экономика: современные оценки. С. 314.

⁷⁰ *Осокина Е.А.* За фасадом «сталинского изобилия»... С. 13.